

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Дымшиц, С.М. Дубнов — пророк автономизма 5

Введение

Еврейские права, национальные права. Национализм
и автономия в позднеимперской и революционной России . . . 16

Глава 1

Еврейская автономия: воображение и воспоминания. 35

Глава 2

Еврейская автономия в меняющемся правовом ландшафте
Европы 81

Глава 3

Революция, национальная политика и требование
юридической еврейской автономии (1905–1907). 123

Глава 4

Еврейская культура и автономия в период реформ
и реакции (1907–1914). 181

Глава 5

Беженцы, автономия и межнациональные политические
процессы в годы Первой мировой войны (1914–1917) 243

Глава 6

Еврейское автономистское движение
и революции 1917 года. 291

Глава 7

Независимые государства и неоправдавшиеся ожидания . . 346

Итоги: судьба еврейского автономизма 380

Именной указатель 386

Введение

ЕВРЕЙСКИЕ ПРАВА, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВА. НАЦИОНАЛИЗМ И АВТОНОМИЯ В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Но есть еще одно, более трудное испытание национальной зрелости — это когда нация лишается не только политической независимости, но и своей территории, когда она шквалом истории оторвана от своей физической почвы, рассеяна по чужим странам и постепенно утрачивает даже единство языка. Если при таком разрыве внешних национальных связей народ все-таки, в течение многих веков, существует и творит самобытно, проявляя упорное стремление к дальнейшему автономному развитию, — такой народ достиг наивысшей степени культурно-исторической индивидуализации и, *при условии дальнейшего напряжения национальной воли*, может считаться неистребимым.

*С.М. Дубнов*¹

На разноцветном плакате к выборам на Всероссийский еврейский съезд в 1917 году Идише Фолкспартей (Еврейская народная партия, *идиш*) призывает жителей местечка поддержать ее

¹ *Дубнов С.М.* Письмо первое: теория еврейского национализма // *Дубнов С.М.* Письма о старом и новом еврействе. СПб., 1907. С. 5. Курсив в оригинале.

список. Плакат показывает местечко в упадке: сломан забор, покосились ветхие домишки. Среди собравшихся у предвыборного списка изображены бородатые старики, женщины с покрытыми головами — и тут же чисто выбритые мужчины, один из них с газетой под мышкой (см. ил. 8): партия, провозгласившая себя народной, старалась привлечь максимально широкие слои российского еврейства. В отличие от еврейских социалистических партий она не призывала отказаться от традиционного религиозного и экономического уклада, в отличие от сионистов не предлагала отказаться от возможности жить в Европе. Эта партия отводила определенные роли всем трем языкам, которыми пользовались российские евреи: ивриту, идишу и русскому. Она стремилась демократизировать самоуправление в еврейской общине и создать для российских евреев новые национально-культурные и государственные институты. А главное, фолкис-ты (как они сами себя называли) верили, что чаяния евреев могут осуществиться в форме национальной автономии в России и в целом в Восточной Европе.

При всех претензиях на народность и на право представлять интересы всего российского еврейства Фолкспартей лишь в слабой степени проникла в жизнь местечек вроде того, что изображено на плакате. На самом деле жизнь евреев Восточной Европы к тому времени уже довольно сильно отличалась от изображенной на плакате; причинами тому были масштабные миграции внутри страны, эмиграция, урбанизация, депортация и беженство во время Первой мировой войны. Тем не менее руководство Фолкспартей сумело оказать существенное идеологическое и организационное влияние на развитие политической жизни российских евреев. Основная идея этой партии — вне-территориальная автономия, или автономизм, — стала главной политической целью российских евреев еще до того, как в годы Первой русской революции (1905–1907) была создана сама эта партия. Автономизм занял прочное место в еврейской политической мысли в России задолго до 1917 года. Стремление к автономии сделалось единственным позитивным политическим лозунгом, охватывавшим весь идеологический спектр; это стало очевидным, когда после отречения царя все еврейские партии и политические группировки приняли участие в организации

Всероссийского еврейского съезда и в создании на местах самоуправляемых общин, требуя при этом законодательных гарантий независимой культурной и национальной жизни.

Концепция автономизма, согласно которой евреям Российской империи следовало добиваться не только гражданского равноправия, но и коллективных национальных прав, была сформулирована историком и публицистом Семеном Дубновым (1860–1941) в конце XIX века. По определению самого Дубнова (не страдавшего ложной скромностью), «автономизм — название, данное Семеном Дубновым в 1901 году практической программе национально-еврейской политики в *галуте* [изгнании, *др.-евр.*, то есть в диаспоре], каковая программа сложилась благодаря его отстаиванию национальной идеологии»¹. «Письма о старом и новом еврействе» Дубнова (ряд эссе, опубликованных с 1897 по 1906 год) выстраивают политическую философию национализма диаспоры, сосредоточенного на требовании местного и национального самоуправления. Эта концепция проистекает из многовековой истории самоуправления в еврейских общинах Восточной Европы². В сущности, Дубнов применял требования территориальной автономии, которые выдвигали другие национальные меньшинства Российской империи, к ситуации не имеющих собственной территории евреев: он

¹ *Dubnov S. Autonomismus // Jüdisches Lexikon. Berlin, 1927. Vol. 1. P. 615.*

² Все письма Дубнова сначала публиковались в «Восходе» (в 1897–1906 гг.), за исключением пятого, которое вышло в «Будущности». В 1906 г. Дубнов отредактировал эти письма, и вместе с эссе «О задачах „Volkspartei“» они были опубликованы в 1907 г. под названием «Письма о старом и новом еврействе» (1897–1907). Главным образом я использую это издание 1907 г. В 1937 г. этот сборник (за вычетом трех писем) был издан на иврите при участии Дубнова и с учетом его обильной правки (Михтавим ‘аль ха-яхадут ха-ешана ве ха-хадаша / Пер. А. Левинзона. Тель-Авив, 1937). Английское издание писем, существенно отредактированное и опирающееся преимущественно на ивритское издание, с добавлением ряда других важных работ Дубнова, озаглавлено «Nationalism and History: Essays on Old and New Judaism» (Ed. K.S. Pinson. Philadelphia, 1958; reprinted: New York, 1970). Единственным полным переводом «Писем о старом и новом еврействе» на западные языки остается издание: *Dubnov S. Lettres sur le judaïsme ancien et nouveau / Trans. and ed. R. Poznanski. Paris, 1989.* Аннотированный перевод второго письма Дубнова приводится под названием «Jews as a Spiritual (Cultural-Historical) Nation Among Political Nations» в кн.: *Jews and Diaspora Nationalism: Writings on Jewish Peoplehood in Europe and the United States / Ed. S. Rabinovitch. Waltham, Mass., 2012. P. 25–44.*

настаивал на автономии в сфере образования, культуры и социального обеспечения общины и стремился к восстановлению самоуправления. При этом он призывал российских евреев отвергнуть «западную» модель эмансипации, следуя которой евреи отказывались от коллективных прав в обмен на индивидуальные гражданские права. В ключевом эссе «Автономизм» (1901) Дубнов провозглашал: «Новая эпоха должна сочетать гражданско-политическое равноправие евреев с той долей общественно-культурной автономии, какую пользуются другие нации, находящиеся в сходных с ними исторических условиях. Евреи должны добиваться одновременно *гражданского, политического и национального* равноправия, не жертвуя одним ради другого, как это было раньше»¹. В годы, последовавшие за публикацией этого эссе, еврейский политический дискурс определенно сместился в сторону национальных прав и самоуправления и в нем вышли на первый план темы, заданные политическими сочинениями Дубнова. Хотя Дубнов считал правильным применять термин «автономизм» исключительно к своей собственной «практической программе», многие политические группы создавали программы, которые также можно назвать автономистскими, но внутри социалистической, сионистской или даже либерально-интеграционной платформы. При этом они разделяли позицию Дубнова: «...фундаментальным признаком [автономизма] является признание, что евреи существуют как нация, рассеянная среди других наций»².

Как и другие, в том числе нееврейские, националисты, Дубнов подкреплял политические требования историческими аргументами, находя в судьбе евреев параллели с судьбами других народов. Однако настойчивость, с какой он отстаивал свои идеи, проистекала из убеждения, что для евреев России тот исторический момент, когда появляется возможность эмансипации, подобен отвесному обрыву над морем ассимиляции, в которое уже успели броситься еврейские общины других стран, отрекшиеся от собственной национальной идентичности. Приверженцы автономизма стремились усилить российское еврейство во

¹ Дубнов С.М. Письмо четвертое: автономизм как основа национальной программы // Дубнов. Письма. С. 82. Курсив в оригинале.

² Dubnov. Autonomismus. P. 615–616.

всех аспектах — языковом, культурном, политическом, — готовясь к моменту, когда и эта община поднимется на опасный обрыв. Как мы увидим, автономисты вообразали себя бойцами, противостоящими ассимиляции, этому многоликому, меняющему маски врагу. Теперь мы знаем, что «ассимилированные евреи» Западной и Центральной Европы, которых описывал Дубнов, на самом деле прошли через более сложные процессы адаптации, чем он это себе представлял¹. Но в данном случае важна не столько реальность, сколько взгляды автономистов на эмансипацию в странах Запада, страх перед ассимиляцией, грозящей им в стране проживания, и представления о том, как следует противостоять этой угрозе. Автономисты могли спорить о том, как выглядела еврейская автономия в прошлом и какой ей следует быть в будущем, но все они считали, что полноправные евреи в Российской империи, когда придет время, должны принять совершенно иную форму, отличную от сложившейся в государствах Западной и Центральной Европы.

Большинство деятелей, стоявших у истока национального еврейского движения в России, объединяла одна общая черта: каждый из них прошел период погружения в русскую языковую и культурную среду или даже прожил в ней всю жизнь. Еврейская культурная и политическая элита, как и элиты прочих меньшинств, билась над вопросами интеграции и самосознания если не в отрыве, то все же в стороне от основной массы своего народа. Часть элиты происходила из немногочисленных семей обрусевших (или ополячившихся на территории Царства Польского) интеллигентов, другие ее представители были интеллигентами в первом поколении: покинув местечки, они отправились учиться в большие города; кто-то из них примкнул к общероссийским политическим движениям. Присущий иудаизму легализм в соединении с традиционностью российского общества приводил к тому, что личный выбор в пользу секуляризма часто

¹ Убедительный обзор менявшихся на протяжении последних тридцати-сорока лет представлений историков об ассимиляции евреев на Западе см.: *Mandel M. Assimilation and Cultural Exchange in Modern Jewish History* / Eds. J. Cohen, M. Rosman / *Rethinking European Jewish History*. Oxford, 2009. P. 72–92. Мандель указывает, что опыт евреев в Новейшее время рассматривают теперь скорее в терминах «культурного обмена», а не «ассимиляции».

влек за собой резкий разрыв с семьей и общиной. Еврейские интеллигенты, выросшие в традиционной среде, не испытывали ни малейшего желания возвращаться к строгостям религиозной жизни — к кашруту, национальной одежде и соблюдению субботы, даже если сами оплакивали разрушение традиционного уклада. Но эти просвещенные, эмансипированные евреи опасались негативного влияния эмансипации на российское еврейство как коллективное целое¹. Обратиться к национализму и автономизму многих еврейских интеллигентов побуждали, таким образом, как практические, так и психологические потребности. Если бы нашелся способ обеспечить национальное самоопределение, оставаясь при этом в рамках восточноевропейского мира, то возрожденная общинная жизнь послужила бы мостом между традицией и современностью.

С точки зрения автономистов, от восстановления автономии зависело выживание или исчезновение евреев как целого, поэтому им было исключительно важно преодолеть собственное отчуждение от того самого народа и культуры, которые они желали сбросить. Приведу один пример: в 1912 году Израиль Ефройкин заклинал российских еврейских интеллигентов воссоединиться с *фолк* (народ, *идиш*), от которого они, как он считал, были безнадежно отчуждены. По словам Ефройкина, «их не соединяют с *фолк*'ом глубокие, внутренние, близкие связи: различны и образ жизни, и мировоззрение, и язык. Лишь меч, висящий над нашими головами, лишь тяжкий кнут, свистящий над спинами всех нас, да блеклая сентиментальность, без кожи и костей, еще соединяют их [интеллигентов] с народом»². Ефройкин утверждал, что еврейские интеллигенты в России пошли тем же путем, что их западные собратья, «стремясь перетереть и порвать последнюю нить, привязывающую их» к общине³. Биография Ефройкина подсказывает: он сокрушается о самом себе,

¹ См.: *Nathans B. Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia*. Berkeley, Calif., 2002 (см. рус. пер.: *Натанс Б. За чертой: евреи встречаются с позднейимперской Россией*. М., 2007); *Litvak O. Conscriptio and the Search for Modern Russian Jewry*. Bloomington, 2006.

² *Ефрен И.* [Исроэл Ефройкин]. Кехиле, фолк ун интелигенцие // *Ди идише велт*. 1912. Апр. № 2. С. 49.

³ Там же.

как и о своих читателях — подписчиках издаваемого в Санкт-Петербурге нового журнала на идише. Уроженец литовского местечка, Ефройкин получил образование в хедере и иешиве, а в 1904 году перебрался в Швейцарию, изучал в Бернском университете юриспруденцию и экономику. Его политические убеждения за время учебы радикализировались, и в Российскую империю он вернулся в 1910 году социалистом и в целом совсем другим человеком¹.

В словах Ефройкина отражается неразрешимый парадокс, заложенный в политических требованиях еврейской интеллигенции последних десятилетий Российской империи. Еврейские интеллигенты, как это вообще было присуще российской интеллигенции, спорили между собой о том, кто наилучшим образом понимает нужды и чаяния своего народа. Разумеется, в ту пору в Российской империи не существовало единого типа «еврейского интеллигента»: евреи присоединялись к самым разным политическим течениям, а чаще и вовсе не следовали никакой идеологии. Тем не менее можно вычленить ряд проблем и задач, которые занимали политически активную часть еврейских интеллигентов на закате империи, и первой среди этих задач окажется реформа и восстановление общинной автономии. Ефройкин понимал, сколь сильно искушение отвернуться от традиции, и утверждал: поскольку противостоять этому стремлению невозможно, его следует направить на преобразование общины.

Реформирование Российской империи все еще оставалось открытым вопросом (должно ли оно произойти и если да, то когда и в каком направлении), и еврейские интеллигенты обсуждали, как евреи могут повлиять на этот процесс и как он повлияет на них. Те, кто искал «национальную идею», сами уже принадлежали современному миру и, естественно, полагали, что эмансипация позволит войти в этот мир и основной части российского еврейства. Нравилось им это или нет,

¹ Биографические подробности см.: Лексикон фун дер найер идишер литератур, sub voce Ефройкин И. Нью-Йорк, 1968. Т. 7. С. 30; The Encyclopedia of Russian Jewry, sub voce Efroikin, Israel. Northvale, N.J., 1998. Vol. 1. P. 306. См. также: *Karlip J.* At the Crossroads Between War and Genocide: A Reassessment of Jewish Ideology in 1940 // *Jewish Social Studies*. 2005. Vol. 11. № 2. P. 171; *Idem.* The Center That Could Not Hold: Afn Sheydveg and the Crisis of Diaspora Nationalism. PhD diss. Jewish Theological Seminary, 2006. P. 28.

российским евреям все равно предстояло войти в современную эпоху, так что интеллигенция напряженно размышляла о том, каких решений это потребует. Наиболее радикальные социалисты предпочли бы вовсе порвать с религиозной традицией; ортодоксально религиозное (возникшее позднее радикальных групп) движение Агудат Исраэль (Союз Израиля, *др.-евр.*), напротив, пыталось защитить традицию. Но для многих евреев национализм стал мостом между миром традиции и современностью. Автономизм (в разных его версиях) как движение возникает, таким образом, из адаптации традиционных концепций еврейской общины и еврейского народа к требованиям модернизации. На практическом уровне автономизм пытался преобразовать традиционную корпоративную и сословную систему в светские институты национального самоуправления, которые послужили бы основой еврейской автономии в современном государстве. Наконец, автономия стала восприниматься как наилучшая защита от реальной или воображаемой угрозы ассимиляции, то есть от того последствия модернизации, которое в наибольшей степени беспокоило еврейскую интеллигенцию в России.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАЦИОНАЛИЗМА В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ И ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Исторические объяснения национализма в первую очередь зависят от определения самого термина. Следует ли понимать национализм как коллективное стремление к суверенитету? Представляет ли он собой попытку различных групп добиться совпадения государственных границ с этническими? Или же это просто чувство принадлежности к некой общности? Каждый вопрос предполагает собственную версию происхождения национализма и его связи с модернизацией, и для меня именно в этом заключается фундаментальная проблема всех широко цитируемых теоретиков национализма¹. Отметим, что один

¹ В особенности Бенедикта Андерсона, Роджерса Брубейкера, Эрнеста Геллнера, Лии Гринфельд, Эрика Хобсбаума, Мирослава Хроха и Энтони Смита.

из главных теоретиков Бунда Владимир Медем пришел к сходному выводу в ходе дебатов начала XX века о том, как следует определять национализм и еврейскую нацию: «Очевидно, что спор бесплоден, ибо каждый исходит из того, что надо доказать. Строит свое определение нации на основе признаков, а сумму признаков выводит из определения нации...»¹

Вероятно, читатели обнаружат в моих рассуждениях влияние некоторых более близких мне по времени исследователей, и все же я стараюсь не втискивать развитие еврейского национализма в прокрустово ложе той или иной концепции. В этой книге я предпочел иной подход: исследовать тот момент, когда сами евреи стали называть себя националистами и сочли, что участвуют в чем-то именуемом «национализмом». Очевидно, представление о существовании еврейского народа утвердилось намного раньше, так как действовали законы, регулировавшие жизнь этого народа, и издавна сложился понятный всем его членам национальный и религиозный нарратив. Тем не менее еврейский «национализм» — это отражение идеологической трансформации понятия *Ам Исраэль* (Народ Израиля, *др.-евр.*) в нечто новое, хотя и связанное с религией, но уже не определяемое исключительно ею.

Дубнов и другие националисты активно пропагандировали и укрепляли самосознание евреев и тем самым продуманно формировали явно осовремененную модель национализма, который выходил за пределы этнического и порывал с библейской идеей избранности или по крайней мере модифицировал ее. На самом деле еврейский национализм в России во всех своих разновидностях использовал те же основные ингредиенты, что русский или польский: религию, язык, этническую принадлежность и место проживания (будь то Восточная Европа или Палестина). При этом Дубнов и его последователи, применявшие свои концепции истории к развитию «национальной идеи», вполне соответствовали обычной для интеллектуалов роли, которую они играют в формировании национальных движений. С одной стороны, еврейский национализм в России предлагал

¹ *Медем В.Д.* Всемирная еврейская нация // Теоретические и практические вопросы еврейской жизни. СПб., 1911. С. 91.

новую, светскую концепцию еврейского народа: в ней национальная идентичность опиралась на культуру и историю, а не на соблюдение религиозных традиций. С другой стороны, религию, которая составляет суть еврейской культуры и истории, было не так-то просто отделить от нового еврейского национализма, а потому автономисты видели первоочередную задачу в том, чтобы обеспечить своих светских собратьев национальной культурой и формой управления, созидая этос общинности, который связал бы традиционных евреев (*фолк*) с людьми их круга (интеллигенцией).

Тогдашние представления об автономизме варьировались от ограниченных требований культурной автономии до максималистской мечты о еврейском национальном собрании и особом министре по еврейским делам. Уровень автономистских требований конкретной политической группы, как и следовало ожидать, был неразрывно связан с ее представлением о еврейском народе. В первые годы XX века и еврейские социалисты, и либералы пережили существенную трансформацию: уйдя от космополитизма, они пришли к более отчетливому пониманию, что евреи — это нация, нуждающаяся в особых правах именно как отдельная группа. В какой именно сфере — религии, языка, территории или духовной жизни — тот или иной деятель требовал автономии, зависело и от его политических взглядов, и от того, в чем именно он видел суть «еврейства». Недавно ряд ученых занялся пересмотром и переоценкой периода с 1881 по 1917 год — эпохи, которая обычно ассоциируется с переходом еврейской интеллигенции от либерального интеграционизма на более радикальные позиции (как у социалистов, так и у националистов), — и в итоге сложилось мнение, что политическая идентичность евреев оставалась, по сути, многослойной¹. В наши дни появилось множество важных исследований (в том числе Натаниэла Дойча, Джеймса Лёффлера, Кеннета

¹ *Nathans*. Beyond the Pale; *Litvak*. Conscriptation; *Horowitz B.* Empire Jews: Jewish Nationalism and Acculturation in 19th- and Early 20th-Century Russia. Bloomington, Ind., 2009; *Idem*. Jewish Philanthropy and Enlightenment in Late-Tsarist Russia. Seattle, 2009; *Левин В.* Ха-политика ха-эхудит ба-империя харусит бе-идан ха-реакция 1907–1914. Дис. д-ра философии. Евр. ун-т в Иерусалиме, 2007; издана как монография под заголовком «Мин ха-мейцар» (Иерусалим, 2014).

Мосса, Габриэллы Сафран и Джеффри Вейдлингера), посвященных взаимосвязи еврейской культуры и новой еврейской идентичности в поздней имперской и послереволюционной России¹. В поздней имперской России, как и в других странах, многие евреи пытались строить личную идентичность на ощущении принадлежности одновременно и к еврейству, и к тому обществу, в котором они жили. В Российской империи выстраивание подобной идентичности довольно очевидно и осознанно проявилось и во внезапном обращении русскоязычных еврейских интеллигентов к идишу в период между 1905 и 1917 годами, и в постепенном усвоении высокообразованными еврейскими юристами идей национализма. Разумеется, не всякая перемена взглядов должна рассматриваться как кризис идентичности. Мыслители, о которых пойдет речь в этой книге, хотя, без сомнения, и замечали множество противоречий в своей личной идентичности, главным образом были озабочены решением «еврейского вопроса» в России таким способом, какой устраивал бы российское еврейство². Иными словами, они не изобрели понятие «еврейский народ» — они ощутили себя частью этого народа, и нередко это чувство достигало человека, долгое время существовавшего «на отшибе».

¹ *Deutsch N.* The Jewish Dark Continent: Life and Death in the Russian Pale of Settlement. Cambridge, Mass., 2011; *Loeffler J.* The Most Musical Nation: Jews and Culture in the Late Russian Empire. New Haven, Conn., 2010; *Moss K.* Jewish Renaissance in the Russian Revolution. Cambridge, Mass., 2009; *Safran G.* Wandering Soul: The Dybbuk's Creator, S. An-Sky. Cambridge, Mass., 2010; *Veidlinger J.* Jewish Public Culture in the Late Russian Empire. Bloomington, Ind., 2009. Все эти ученые испытали на себе влияние Стивена Зипперштейна и Майкла Станиславского. См. также обзор Натаниэла Дойча: *Deutsch N.* When Culture Became the New Torah: Late Imperial Russia and the Discovery of Jewish Culture // *Jewish Quarterly Review*. 2012. Vol. 102. № 3. P. 455–473.

² Я использую термин «российские евреи», обозначая всех проживавших на территории Российской империи евреев без региональных различий и не выделяя особо Царство Польское. Из этого не следует, что все евреи империи считали себя российскими евреями, однако к началу XX века все они, несомненно, считали себя российскими подданными. Как сформулировал Эли Ледерхендлер, «политическая нация России определялась единством территории и управления. Евреи, принадлежавшие России, были в этом смысле российскими» (*Did Russian Jewry Exist Prior to 1917? // Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union / Ed. Y. Ro'i. Ilford, U.K., 1995. P. 24.*)